

В.Н. Дядичев

«Прозаседавшиеся»

В марте 1922 года в газете «Известия» появляется стихотворение «Прозаседавшиеся». Сатира очень смелая, острая, нелюбимая. В стихотворении сатирически обобщается опасное, по Маяковскому, явление — имитация, профанация бурной деятельности государственным аппаратом, государственными чиновниками, подмена реальной работы бесконечными пустыми заседаниями. «Прозаседавшиеся» творчески продолжают и углубляют тему, поднятую в стихотворении «О дряни». Гротесково-фантастические образы «Прозаседавшихся» построены на художественной реализации разговорного выражения «разрываться на части от множества дел». Сатирическая заостренность образов выявляет всю абсурдность, алогизм ситуации, описываемой в стихотворении. О «Прозаседавшихся» довольно неожиданно, буквально на следующий день после публикации, одобрительно отозвался В.И. Ленин:

«...давно... не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной...»; «насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно».

Эта похвала Ленина, первого лица государства, оказалась для Маяковского очень ко времени, дала ему возможность больше печататься в центральных газетах и журналах.

Смысловым и композиционным центром стихотворения является некое безликое, но, очевидно, важное для бюрократии «заседание». Заседание, которое для лирического героя предстает «дьявольщиной», «страшной картиной», ибо он увидел, что там «сидят людей половины... Где же половина другая?..» Этот гротескный прием раздвоения персонажей-бюрократов художественно предваряется, подготавливается вступительной частью стихотворения. Здесь в первой строфе реально существовавший в те годы комитет — Главполитпросвет — представляется уже в виде четырех учреждений, в которые, «чуть ночь превратится в рассвет», расходятся чиновники: «кто в глав,/ кто в ком,/ кто в полит,/ кто в просвет...» Во второй строфе — гиперболический образ бюрократии, сыплющей «дождем дела бумажные». Бумаг так много, что чиновники «расходятся на заседания», отобрав из бумаг (всего!) «с полсотни — / самые важные!..» Далее лирический герой стихотворения вспоминает, что еще «со времени она» он никак не может получить «аудиенцию» (словарный архаизм, как и время «она», подчеркивающее давность, длительность самой проблемы) у некоего неуловимого «товарища Иван Ваньча», который постоянно — «ушли заседать», «заседают», «на заседаниях». Гиперболизируются не только мытарства лирического героя («хожу со времени она», «исколесишь сто лестниц. / Свет не мил», «снова взбираюсь, глядя на ночь...»), но и темы и характер заседаний. И эти преувеличения выглядят уже не как субъективные искажения действительности в восприятии лирического героя, а как закономерное следствие деятельности автоматического бюрократического механизма. Этот автоматизм заседаний приводит к алогизму — «объединение Тео и Гукона», то есть театрального отдела Наркомпроса и главного управления коннозаводства Наркомзема, учреждений совершенно разнородных. Не менее курьезно и другое «заседание» — «покупка склянки чернил/ Губкооперативом» (обратная гипербола, преуменьшение — литота). Наконец герой узнает о заседании совершенно бессмысленного, но, по-видимому, всеобъемлющего учреждения — «А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома». В результате «взъяренный» лирический герой «врывается лавиной» на заседание, на котором и видит «страшную картину» — «людей половины» (гротескно-фантастический образ сравним с Носом майора Ковалева, описанным Гоголем). Но для секретаря это нормальной ситуацией (этим гротеск усиливается!), его «спокойнейший голосок» разъясняет обстановку: «Они

на двух заседаниях сразу...» При этом секретарь сам горд личной причастностью к этой бюрократической машине, не отделяет себя от нее: «В день / заседаний на двадцать / надо поспеть нам. / Поневоле приходится раздвояться. / До пояса здесь, а остальное / там». Лирическому герою Маяковского близок радикальный способ устранения всяческой бюрократии. Его мечта, которой он встречает «рассвет ранний» —

«О, хотя бы еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

Меткое, явно эмоционально не нейтральное название стихотворения «Прозаседавшиеся» (неологизм Маяковского, образованный от глагола «заседать» по типу «промотавшиеся», «проворовавшиеся») стало нарицательным для определения бездушного, отвратительного мира бюрократии.